

Когда Чжоу Фу обыденным тоном предложил ему съесть Нефритовую книгу Гор и Морей, Шэнь Цинчжоу на мгновение просто лишился дара речи.

Да, внешне эта вещица ничем не отличалась от пирожного взаимной тоски, пахла точь-в-точь так же и, весьма вероятно, на вкус была точно такой же. Но ведь никакая маскировка не отменяла главного: по сути своей она оставалась великим артефактом — Нефритовой книгой Гор и Морей!

—... И что, мне обязательно её есть? — с трудом выдавил Шэнь Цинчжоу.

На самом деле ему гораздо больше хотелось спросить, каким образом Чжоу Фу умудрился голыми руками превратить священный нефритовый фолиант в обычное пирожное.

Чжоу Фу растерянно моргнул и недоуменно переспросил:

— Тебе больше не нравятся эти пирожные? Тогда я придам ей другой вид! — С этими словами он уже вознамерился снова сложить ладони, будто собирался перемять тесто.

— Нет-нет, я вовсе не об этом, — поспешно остановил его Шэнь Цинчжоу.

Чжоу Фу замер и пристально посмотрел на него. В его взоре сквозило нечто такое, чего Шэнь Цинчжоу прежде никогда не замечал. Если и искать сравнение, то это походило на ледяной цветок, который, опустившись на теплую ладонь, медленно тает, обращаясь в чистейшую талую воду. И в этой прозрачной глади отражался лишь силуэт Шэнь Цинчжоу.

Господин Бучжоу стоял тихо, безропотно ожидая любого слова своего спутника, готовый исполнить его волю без малейшего колебания.

Шэнь Цинчжоу помолчал, а затем тихо произнес:

— Чжоу Фу, ответь мне на один вопрос. И постарайся, насколько возможно, не лукавить.

— Спрашивай, — послушно кивнул тот.

Сегодня непременно нужно было во всём разобраться. Глубоко вдохнув и подавив невольную дрожь в голосе, Шэнь Цинчжоу отчётливо спросил:

— Ты ведь никогда не принимал меня за кого-то другого? Тот, кого ты знал... это всегда был я. Верно?

Золотое солнце клонилось к западу, проливая на небосвод потоки расплавленного багрянца.

Высокая гора Тяньтай медленно погружалась в сумерки, дышащие прохладой и одиночеством. Осенний ветер окончательно унес остатки дневного зноя. Атмосфера между ними натянулась, точно струна.

Чжоу Фу беззвучно приоткрыл рот и застыл как вкопанный. Лишь спустя долгую минуту он опомнился, и на его лице отразилось крайнее смятение.

— Прости меня... — Он растерянно озирался. Прежде он не мог оторвать глаз от Шэнь Цинчжоу, теперь же разглядывал то небо, то землю — лишь бы не встретаться с ним взглядом.

— Значит, я угадал.

Тот ребенок, что некогда стоял подле Первого Императора, был им. Юноша, восседавший на крылатом коне-драконе позади Великого Юя, — тоже он.

Шэнь Цинчжоу сохранял спокойствие. По крайней мере, внешне.

Чжоу Фу украдкой покосился на него и, понутив голову, едва слышно пробормотал:

— А-Чжоу... Но как ты догадался? Я что, так плохо скрывал это?

На это Шэнь Цинчжоу мог бы ответить одно: скрывал ты, может, и старательно, да только шила в мешке не утаишь — всё было очевидно с самого начала.

— Ну... в общем, сойдёт, — вздохнул он, невольно смягчая тон при виде виноватого лица собеседника.

Чжоу Фу тут же воспрянул духом и радостно воскликнул:

— А я-то испугался, что где-то выдал себя! Оказывается, это просто мой А-Чжоу невероятно умен!

Будь у него хвост, он сейчас непременно вилял бы им от восторга.

— Почему же ты молчал? Когда я спрашивал тебя тогда, ты мало того что утаил правду, так ещё и бесцеремонно выставил меня из собственного сна, — укоризненно напомнил Шэнь Цинчжоу.

Чжоу Фу покорно склонил голову и кротко ответил:

— Но ведь ты сам просил... велел не рассказывать тебе раньше времени.

— Я? Но когда я успел... — Шэнь Цинчжоу осёкся на полуслове. Догадка мгновенно озарила его: подобный наказ мог исходить лишь от него прежнего, из прошлой жизни.

Он перевёл взгляд на зажатое в ладони Чжоу Фу пирожное, в которое обратилась Нефритовая книга, и спросил:

— Кто я такой?

Вопрос прозвучал на удивление сурово. Пожалуй, это самый важный вопрос, на который обязан ответить любой заклинатель, стремящийся достичь ступени слияния духа с пустотой. Это шаг к познанию собственного естества, обретению истинного пути и постижению Дао.

Шэнь Цинчжоу никогда бы не подумал, что в один прекрасный день ему, чьих посредственных способностей едва хватило бы на заготовку дров, придётся ломать голову над столь величественной загадкой. Он мысленно вздохнул.

Чжоу Фу долго мялся, прежде чем едва различимым шёпотом произнести:

— Когда-то давно... тебя величали Держателем Мироздания.

Шэнь Цинчжоу задумался:

— «Держатель» — в значении хранить и оберегать? А «Мироздание» — как все сущие миры?

На сей раз голос Чжоу Фу прозвучал увереннее:

— Именно так. Тот, кто держит на своих плечах весь поднебесный мир.

«Держатель Мироздания»? Какое звучное имя, какое непомерное величие! Шэнь Цинчжоу попытался покопаться в памяти, но, к своему разочарованию, так и не смог вспомнить ничего подобного.

— А если заглянуть ещё дальше? Какое имя я носил в самом начале?

Чжоу Фу, решив больше ничего не таить, ответил со всей искренностью:

— Куньюй. Священный нефрит великих гор Куньлунь.

«Куньюй»?..

Шэнь Цинчжоу ошеломленно моргнул:

— Что?

Ответ застал его врасплох — точно так же, как в прошлый раз, когда на вопрос о правящем императоре Чжоу Фу простодушно выдал имя Великого Юя.

— Помнится, я говорил тебе, что моё второе имя — Куньюй, но я всегда полагал, что это отсылка к редкой яшме с гор Куньшань, — растерянно указал он на себя пальцем.

Чжоу Фу преданно закивал:

— Удивительное совпадение, правда?

По одному взгляду на это честное лицо Шэнь Цинчжоу понял: парень говорит чистейшую правду.

— Тогда Нефритовая Книга Куньлуня... — Шэнь Цинчжоу осёкся, не решаясь закончить мысль.

— А Нефритовая Книга Куньлуня всегда принадлежала тебе, — просто объяснил Чжоу Фу.

Шэнь Цинчжоу замер, а затем взволнованно спросил:

— Ты имеешь в виду эту отдельную пластинку или весь фолиант целиком?

— Ну... тут сложно сказать однозначно, — со всей серьезностью принялся рассуждать Чжоу Фу.
— По совести говоря, весь свиток Гор и Морей изначально твой.

— А если не по совести?

— Тогда нельзя исключать, что ты самолично разделил его на части и раздарил хорошим людям.

Шэнь Цинчжоу оцепенел. В его голове завертелись разрозненные мысли, пока наконец все детали мозаики не встали на свои места.

— Получается, император Чжаоле тоже не ошибся? Я действительно Чжугэ Чжоу, который когда-то преподнес ему ту нефритовую пластину? То-то он твердил, будто возвращает вещь законному владельцу! — выпалил он. — погоди, но ведь пластина была расколота... Неужели вторую часть я подарил Белому Императору?

Неужели таинственным владыкой древности был я сам?

И перед грозным Таоте он не ведал страха лишь оттого, что где-то в глубине души помнил: они с этим чудовищем равны по силе и положению?

Напускное хладнокровие, которое Шэнь Цинчжоу так старательно хранил, дало глубокую трещину. Неужели в прошлом он обладал столь сокрушительным могуществом? Мог запросто одаривать Белого Императора, да так, что великий правитель унёс его дар в свою усыпальницу!

Чжоу Фу промолчал. Когда император Шаохао пожертвовал собой, дабы удержать обрушивающийся небесный купол, его самого ещё и в помине не было. Древние тайны слишком запутаны, и он не дерзал утверждать, будто ему ведомо всё.

Для нынешнего поколения заклинателей Чжоу Фу казался ожившим реликтом былых эпох, ходячим безмолвным памятником древности. Но для подлинных исполинов, чьи имена вошли в легенды, эпоха Великого Юя была лишь закатом золотого века богов, а сам он — не более чем незрелым юнцом. Высокий удел — это одно, а вот нехватка жизненного опыта — совсем другое.

— Но скажи мне... — Справившись с потрясением, Шэнь Цинчжоу коснулся виска и посмотрел на Чжоу Фу. — Почему я лишился памяти? И как мне вернуть былое?

Чжоу Фу опустил голову, избегая прямого взгляда. В этот миг он вновь стал похож на того нелюдимого стража, которого Шэнь Цинчжоу впервые узрел на Алтарной террасе императоров.

— Прости... Я не знаю, — удрученно вымолвил Чжоу Фу. — Ты никогда не говорил мне об этом.

Шэнь Цинчжоу ощутил легкий укол разочарования, но тут же рассудил, что Чжоу Фу, будучи вечным стражем террасы, не имел права покидать свой пост. Если прежний Держатель Мироздания предвидел собственное забвение, он ни за что не доверил бы ключи к памяти тому, кто скован столь нерушимым долгом. Иного пути не существовало — узы, державшие его, были слишком крепки.

— Прости меня, — вновь забормотал Чжоу Фу, тревожно опустив глаза.

Шэнь Цинчжоу не знал, плакать ему или смеяться:

— Да что ж такое! Великий господин Бучжоу, а извиняешься по любому поводу.

— Я просто боюсь, что ты прогневаешься на меня, — глухо, но с упрямством отозвался тот.

— С чего бы мне злиться на тебя без всякой причины?

Чжоу Фу слегка склонил голову набок, и в его облике отразилось искреннее, детское недоумение:

— Но ведь я не могу ответить на твои расспросы. А-Чжоу, мне очень не хочется разочаровывать тебя.

Шэнь Цинчжоу лишился слов. В груди разлилось странное тепло, смешанное с щемящей нежностью, словно туда положили пушистый ком мягкой шерсти. Не найдя подходящего ответа, он поспешно перевел разговор на другое:

— И что... мне просто съесть это пирожное?

Чжоу Фу смущенно поджал губы:

— Да. Наверняка у тебя есть иной способ подчинить себе Нефритовую книгу, но мне он неведом.

Шэнь Цинчжоу помедлил мгновение, а затем бережно взял из его рук небольшое, размером с ладонь, лакомство. С любопытством прижав пальцем бок пирожного, он ощутил его мягкую, упругую текстуру. Даже крохотные красные бобы, разбросанные по тесту, выглядели совершенно настоящими. Трудно было поверить, что основой для этого чуда кулинарии послужил холодный и твердый священный нефрит.

Поднеся угощение к губам и придерживая его снизу ладонью, он под пристальным, полным надежды взглядом Чжоу Фу откусил маленький кусочек.

Рот мгновенно наполнился нежным, сладковато-сливочным вкусом. Шэнь Цинчжоу жевал не торопясь, бережно смакуя каждый миг этого диковинного ритуала.

— Ну как, вкусно? — Чжоу Фу подался вперед, затаив дыхание.

— Очень вкусно, — с улыбкой кивнул Шэнь Цинчжоу.

Тот просиял ещё ярче:

— Насколько?

«Ну и вопросыки у тебя... Даже не знаю, что ответить».

Сам того не замечая, Шэнь Цинчжоу тепло улыбнулся, хотя в мыслях и поддразнивал бесхитростного стража.

— Без тени преувеличения скажу: это лучшее пирожное в моей жизни, — мягко произнёс он. В его ласковом взгляде сквозило умиротворение, схожее со свежим весенним ветерком, шелестящим в ветвях ив.

Ещё бы не вкусно! Ведь это было не просто тесто, а великое сокровище. С каждым укусом в тело изливалась чистейшая духовная энергия. Проглотить такое чудо в один миг было бы непозволительным кощунством.

— Правда?

— Разве я стану тебе лгать?

Чжоу Фу счастливо улыбнулся и застенчиво опустил голову. Кончики его ушей густо покраснели, а на скулах проступил едва заметный румянец.

«А-Чжоу похвалил меня!» — ликовал он про себя.

За последнюю тысячу лет это было, пожалуй, самое радостное событие в его бесцветной жизни — не считая, конечно, самой встречи с А-Чжоу.

В воздухе со свистом пронеслись сверкающие лезвия. Лю Бэй резко уклонился и точным ударом меча рассек летящую в него стрелу надвое.

Когда чудовище Таоте унесло Шэнь Цинчжоу, Лю Бэй был вынужден временно отступить, спасаясь от оглушительного грохота барабана Куйню. Едва он вознамерился броситься в погоню, как путь ему преградил Цай Бинь.

— Прочь с дороги!

Лю Бэй пребывал в ярости. Пусть даже Шэнь Цинчжоу обладал столь высоким статусом, что Таоте вряд ли посмел бы причинить ему вред, но что, если... что, если случится непоправимое?!

«У А-Чжоу отшибло память, а зверюга умом никогда не отличалась. Кто докажет чудовищу, кем на самом деле является его пленник?»

Что, если прожорливая тварь просто не признает прежнего владыку? Как тогда, сойдя в загробный мир, он посмеет взглянуть в глаза Кунмину?!

Теряя терпение от тревоги, Лю Бэй напрочь забыл о защите. Он перешел в яростное наступление, обрушивая на Цай Биня сокрушительные, подобные ударам грома выпады. Клинок взрезал воздух с неукротимой мощью речного потока, сметающего всё на своём пути. Этот напор казался нескончаемым.

На мгновение показалось, будто к Лю Бэю вернулась былая удаля. Он не жалел сил, вкладывая в удары всю свою страсть и волю. В его взоре горело намерение оборвать жизнь врага. Каждая атака целила в смертельные точки — он вознамерился во что бы то ни стало заставить Цай Биня захлебнуться собственной кровью.

Хотя Цай Бинь и обладал глубоким уровнем совершенствования, долгие годы праздной и сытой жизни лишили его былой хватки. В настоящей схватке не на жизнь, а на смерть он безнадежно уступал закаленному в боях воину.

Стальные всполохи сплелись в непроницаемую пелену, а звон скрещивающихся клинков без умолку гремел над полем боя. Силы быстро покидали вельможу. Он тяжело, прерывисто дышал, а его некогда выверенные шаги сделались хаотичными. И пусть в отчаянных атаках Лю Бэя то и дело зияли бреши, Цай Биню, занятому лишь спасением собственной шкуры, было не до ответных ударов.

Над пиками Тяньтай завывал холодный ветер. Солдаты Цай Биня, прошедшие суровую выучку, даже видя смертельную опасность, грозившую их командиру, не дрогнули. Без лишних приказов они перестроились в боевой порядок, объединив свои духовные силы в единый нерушимый щит, и начали теснить противника.

Командир личной гвардии принцессы Чандин, Фэн Цуньчжи, во главе отряда, едва насчитывавшего восемьсот ратников, успел занять господствующую высоту. Оттуда на головы вражеских десятников и сотников градом посыпались точечные заклинания.

Сделав пробный выстрел, Цинь Тяньцэ увлек за собой несколько десятков всадников. Пользуясь преимуществом склона, они лавиной обрушились на вражеский строй. Их целью были не люди — они безжалостно разили коней под нападающими.

Огромный тяжелый меч так и летал в его руках. Одним взмахом он рассекал плоть, оставляя глубокие рваные раны, а мощным ударом обуха переламывал хребты скакунам.

Воинство Цай Биня пыталось держать оборону, но дерзкие всадники не вязывались в затяжной бой: нанеся удар, они тут же отходили назад. Опасаясь задеть своих, вражеские маги медлили применять площадную волшбу, а те немногие чары, что они успевали сотворить, летели мимо цели.

Кавалерия вихрем пронеслась с одного фланга на другой, взломав вражеские порядки, при этом потеряв от силы пару бойцов.

Поняв, что чаша весов склоняется на их сторону, Лю Бэй мгновенно мобилизовал резервы духовных сил. Подобно урагану, он ринулся на Цай Биня. Парные клинки замелькали с такой скоростью, что за долю секунды тело вельможи покрылось десятками глубоких кровоточащих порезов.

— Сброд! Как вы смеее?! Я — канцлер империи!.. — теряя рассудок от ужаса, истошно взывал Цай Бинь.

— Что, только сейчас вспомнил про свой чин? — осклабился Лю Бэй. Вместо пощады несчастный получил лишь смертоносный росчерк стали. — Обыкновенный предатель и бунтовщик.

Сознание Цай Биня угасало. Окружающий мир завертелся перед его слабеющим взором, и последним, что запечатлелось в его разуме, было полыхающее багрянцем закатное небо. В следующий миг его поглотила вечная тьма.

Лю Бэй застыл на месте. Он медленно опустил окровавленный меч — ножен у него не было, поэтому оружие пришлось держать в руках. С темного лезвия на истоптанную землю лениво падали тяжелые алые капли.

Глубоко вздохнув, воин запрокинул голову и устремил взор к небесам, освобождая грудь от скопившегося напряжения:

— Небеса всё видят.

<http://bllate.org/book/18428/1865077>